

A man with short brown hair, wearing a dark blue trench coat over a light-colored shirt and a patterned tie, stands in a library. He is positioned in front of a large, multi-paned window. Through the window, a tall, ornate building with a prominent dome and clock tower is visible, set against a cloudy sky. The library shelves on either side are filled with numerous books.

Сергей Александров

Пятое управление

Сергей Александров

Пятое управление

«Автор»

2026

Александров С.

Пятое управление / С. Александров — «Автор», 2026

Москва, 1970 год. Один за другим гибнут учёные, связанные с секретными историческими изысканиями. Убийства не похожи на обычные — на каждом месте остаётся странный символ. Сотрудник КГБ берётся за расследование. Следы ведут в подпольные мистические кружки, к самиздатовским книгам по оккультизму и, в конечном счёте, к старому делу: экспедиции нацистов в Крым, где четверть века назад было спрятано биологическое оружие. Он понимает: убийства — не безумие одиночки. За ними стоит тщательно законспирированная сеть, которая готовится активировать смертоносный штамм. Времени почти не осталось. «Пятое управление» — первая книга цикла о том, как в разгар холодной войны советские спецслужбы расследуют преступления, не вписывающиеся в официальные сводки. И это дело — лишь начало.

© Александров С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 1. Визитёр	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Александров

Пятое управление

Глава 1

Петроград. Декабрь 1917 года.

Проверив дуэльную пару, Чистяков и Якубович, которые волей случая оказались свидетелями ссоры, сделали однозначный вывод, что один из пистолетов находится в нерабочем состоянии. Стреляться было нельзя. Второй дуэльной пары у секундантов не было. Казалось, все противилось этому поединку. Дуэли, как пережиток прошлого, на фоне войны и хаоса нынче встречались крайне редко. Как и оружие для них. Они переглянулись, и более расторопный Якубович быстрым шагом двинулся к дуэлянтам.

- Господа! – обратился он к молодым людям. – Повинуясь правилам дуэльного кодекса, я, как секундант, не могу дать свершиться вашему поединку сейчас. Один из пистолетов неисправен. Других у нас нет. Я хочу предложить вам перенести решение вопросов чести на завтра.

Подоспевший Чистяков добавил:

- Господа, право слово, умоляю вас помириться. Нет ничего ужасней ссоры друзей. Тем более, что мы сейчас все в положении, которое можно назвать крайне неоднозначным.

- Я не против, - одевая шинель сказал Колдинский. – Стало очень холодно, а оружия мы сейчас все равно нигде не найдем.

Его противник, тоже одевая обратно шинель, произнес:

- А я против. Здесь в пяти минутах дом Гороховского, у него есть эспадроны.

- Вы хотите фехтовать? – с удивлением спросил Якубович.

- Насколько я знаю, правилами это не запрещено. Да и Иван замерз, нужно его согреть.

Лицо Колдинского потемнело. Он уже несколько раз пожалел, что два часа назад не сдержался и очень сильно оскорбил своего самого ближайшего друга и коллегу. Конечно же, Сергей не спустил этих слов. И сейчас они стояли на пустыре за старой больницей друг напротив друга, не веря тому, что они стали врагами.

Через пятнадцать минут Якубович принес два клинка. За ним тащился расстроенный Гороховский. Еще несколько минут ушло на уговоры примириться, но Стахов был непреклонен.

— Сережа, — сказал Колдинский, не повышая голоса. — Я не хотел, чтобы мы дошли до этого. Но ты выбрал.

— Я не выбирал, — тихо ответил Стахов. — Я просто понял, что по-другому нельзя.

— Нельзя было предавать присягу! Нельзя было идти к тем, кто разрушил Россию! Ты, который всю жизнь служил чести, — и вдруг большевики? Ты понимаешь, что они сделают с нашей страной?

Стахов горько и безрадостно усмехнулся:

— А что осталось от нашей страны, Ваня? Ты видел, что творится в Петрограде? Солдаты грабят лавки, матросы убивают офицеров, министры бегут, кто куда. Николай... — он запнулся на мгновение, — он сам отрёкся. Его никто не свергал. Он просто не захотел держать власть. А теперь каждый тянет одеяло на себя. Кто-то должен навести порядок. Кто-то должен остановить этот хаос.

— И ты думаешь, что большевики наведут порядок? — Колдинский шагнул вперед. — Они принесут нам террор, Сережа. Они уничтожат всё, что мы любили: нашу культуру, нашу веру, нашу историю. Ты это знаешь.

— Я знаю только одно: если не будет власти, страна исчезнет. Её разорвут на куски. Немцы, поляки, свои же... — Стахов посмотрел Колдинскому прямо в глаза. — Я видел, как гибнут армии. Я видел, что война сделала с солдатами. Они не хотят воевать, Ваня. Они хотят мира. И если большевики дадут им этот мир, они будут за ними. А если кто-то другой — будет за другим. Я выбираю не идеологию. Я выбираю порядок.

— Ценой собственной чести? — Колдинский сжал кулаки. — Ценой всего, во что мы верили?

— Я хочу сохранить Россию, — сказал Стахов. — Пусть даже для этого нужно служить тем, кого я не люблю. А ты? Что ты хочешь сохранить? Гордость? Своё чувство правоты? — Он помолчал. — Мы с тобой, Ваня, идём разными дорогами. Ты хочешь спасти прошлое. Я хочу спасти будущее.

— Ты ошибаешься, — сказал Колдинский. — И ты это поймёшь. Может быть, поздно. Но поймёшь.

Они замолчали. Секунданты стояли в стороне, готовые подать оружие. Наконец, Чистяков спросил:

— Готовы?

— Да, — сказали оба.

Оставшись в одних сорочках, они взяли эспадроны. Лезвия блеснули в сером свете. Стахов и Колдинский встали друг напротив друга — два воина, две России, два будущего, которые не могли сосуществовать вместе.

— Последний раз, — сказал Колдинский. — Одумайся. Вернись к нам.

— Я уже не могу, — ответил Стахов.

Они сошлись. Звон стали разнёсся по поляне. Первый выпад сделал Стахов — Колдинский отбил, второй — Колдинский, Стахов ушёл в сторону. Они двигались быстро, безжалостно, и в каждом движении чувствовалась не только ненависть, но и боль. Клинки слились в единой песне, которую пело смертоносное железо.

Через минуту Стахов сделал обманный выпад, крутанулся и выбил оружие из рук Колдинского. Клинок плюхнулся в грязь. Стахов замер, кончик его эспадрона упирался в горло противника.

— Сдавайся, — сказал он.

— Бей, — ответил Колдинский.

— Я не хочу тебя убивать.

— Тогда ты проиграл, — сказал Колдинский. — Не потому, что я сильнее. А потому, что ты не готов идти до конца. Ты выбрал власть, но не готов за неё платить.

Стахов убрал оружие.

— Убирайся, Ваня. Живи. И помни: ты мог бы умереть сегодня, но я не хочу, чтобы твоя смерть была на моей совести.

Колдинский, дрожащими руками надел шинель и произнес:

— Спасибо за подаренную жизнь. И видит Бог, я не хотел бы тебя убить. Наверное, мы еще нужны нашей стране. Мы ещё встретимся, Сережа. Надеюсь, нам не придется заканчивать.

Иван ушёл, не оглядываясь. Стахов стоял на поляне, глядя в туман. Он знал, что они встретятся снова. Что история не прощает выбора. Но он был готов платить за свой.

Глава 1. Визитёр

Москва, 1970 год.

Звонок в дверь раздался, когда Борис Лазаревич как раз собрался выключить свет в кабинете. Девять часов вечера — поздновато для гостей. Он подошёл к двери, глянул в глазок.

На тускло освещённой площадке стоял милиционер с потрёпанной папкой в руках. Милиции он не боялся. Скорее даже наоборот. Со всеми «компетентными органами» у Бориса Лазаревича за его долгую жизнь сложились вполне сносные отношения. Нередко ему приходилось консультировать различные ведомства по части предметов старины. Но на душе все равно стало как-то тревожно

— Слушаю вас, — сказал Гольдштейн через дверь.

— Профессор Гольдштейн? — голос милиционера был спокойным и немного усталым. — Извините за поздний визит. Я капитан Сомов, из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Срочно нужна ваша помощь. Мне посоветовали вас, как лучшего специалиста по древним книгам. Разрешите войти? Мне бы пару слов с вами посоветоваться.

Гольдштейн помедлил. Лесть была приятна, да и отказывать коллегам из милиции не хотелось — мало ли, потом самому понадобится их помощь. Что-то внутри его сильно тревожило в этом посетителе. С одной стороны, ничего крайне необычного в этом визите не было. Но с другой, по поводу разного рода консультаций его всегда предупреждали звонком заранее.

Словно рассеивая его сомнения, голос за дверью проговорил:

— К сожалению, не смогли вам дозвониться сегодня на кафедру.

Это было похоже на правду. На кафедре с утра не работал телефон, а домой он пришел около часа назад. Гольдштейн отодвинул засов.

— Заходите. Только у меня не очень прибрано.

Милиционер перешагнул порог, притворил за собой дверь. Профессор направился в кабинет, показывая дорогу.

— Проходите сюда, к столу. Показывайте, что у вас сегодня.

И тут он услышал, как щёлкнул замок входной двери — гость запер её изнутри.

Гольдштейн обернулся. Милиционер стоял уже без фуражки, лицо его было спокойным, а немигающий взгляд — тяжёлым и одновременно холодным.

— В чём дело? — спросил старик, чувствуя, как лоб начал покрываться капельками пота. И вот тут профессор понял, что его насторожило. Форма. В желтоватом коридорном свете он отчётливо разглядел детали: петлицы, пуговицы, погоны. Тёмно-синяя шинель, глухой стоячий воротник, серебристый галун на обшлагах.

Старый образец. Образец 1958 года. Выведен из обращения ещё полтора года назад.

В июне 1969 года приказом МВД СССР № 230 милицию переделали. Вместо тёмно-синей шинели — двубортное пальто стального цвета. Вместо закрытого кителя — открытый, с рубашкой и галстуком. Иные петлицы, иные погоны, иная кокарда на фуражке.

Гольдштейн знал это — он разбирался в мундирах лучше любого портного. В его практике был случай: он отличил подлинный мундир обер-полицмейстера начала века от новодела по одному лишь рисунку галуна. Да и участковый Пеструхин еще с Нового Года щеголял в новой одежде.

— Какая красивая форма у вас раньше была, — зачем-то сказал он вслух, пятясь. — Я к тому, что с 69-го года, кажется, ввели новые образцы. Более серые, более... практичные.

Он сказал это, надеясь на сомнение, но в глазах гостя не отразилось ничего, кроме ледяного спокойствия.

— Служба, профессор. Ношу что дали. Сегодня я вам ничего не принес, Борис Лазаревич, — сказал посетитель, медленно приближаясь к нему. — Я пришёл по другому поводу.

Вы сейчас поймете, о чём я. Вы вывезли из Германии в сорок пятом кое-что, что не должны были вывозить. Где это?

— Не понимаю, о чём вы, — Гольдштейн попятился к книжному шкафу. — Я сдал всё, что полагалось, в Министерство культуры.

— Не всё. — Гость достал из кармана длинный тонкий стилет, повертел его между пальцами, словно проверяя баланс. — Вы забрали один предмет. Небольшой. Керамический. Вы сами знаете. Символ, который вставляется в паз. Ключ. Где он, Борис Лазаревич?

— Говорю вам, вы меня с кем-то путайте! Никакого ключа у меня нет, — выдавил из себя профессор.

— Вы меня не проведёте, Борис Лазаревич, — спокойно сказал убийца, шагнув вперёд. — Я знаю, кто вы. И знаю, чем вы занимались в сорок пятом. Трофейная комиссия, отдел изъятия культурных ценностей. Вы и ещё четверо: Чайковская, Рязанцев, Белозёрова и Литвин. Все вы работали под началом генерала Кудрявцева. Он дал вам секретный приказ, касавшийся «особой» группы предметов. Вы объездили пол-Германии: Кёнигсберг, Баутцен, поместье Гимmlера под Берлином, лаборатории Аненербе в Панкове. Вы не только вывозили ящики с книгами — вы забирали то, что не значилось в описях. Мелкие предметы. Ключ, в частности.

Гольдштейн побледнел.

— Рязанцев, Белозёрова, Литвин — они ещё живы, — продолжал гость. — Я знаю, где они живут. Я знаю их распорядок дня, привычки, семьи. Если вы не скажете мне, где ключ, я буду вынужден навестить их. По одному. Вам это нужно?

— Не трогайте их, — прохрипел старик.

— Тогда говорите.

— Я не знаю, о каком ключе вы говорите...

— Не лгите. — Убийца достал стилет. — Керамическая пластинка с рунами. Размером с ладонь. Вы нашли её в лаборатории под Кёнигсбергом, в тайнике за бетонной плитой. Вы положили её в свой вещевой мешок. Я прав?

Гольдштейн молчал. Остриё стилета опасно придвинулось к его груди. Борис Лазаревич вдруг отчетливо понял, что это конец. Есть тайны, за которые умирают молча. Он вспомнил, сколько человек погибло при штурме того странного дома в Кёнигсберге. Тогда, в первых числах апреля 1945 года советские войска начали мощный артобстрел города-крепости. Кёнигсберг был окружен кольцом фортов, рavelинов и опорных пунктов. Тогда у дома, который прикрывал вход в катакомбы, ведущие к одному из фортов, состоялась небольшое, но очень жестокое сражение, в котором пришлось принять участие и самому Борису Лазаревичу. И именно там, уже после взятия крепости, Гольдштейн проводил археологические раскопки, которые закончились подписанием акта о неразглашении государственной тайны под угрозой расстрела. Тайной, которую он хранил уже четверть века. Все эти воспоминания пронеслись в голове у старика за несколько мгновений. Острие стилета больно впилося в кожу. Профессор выбрал смерть.

— Где она?

— Я уничтожил её, — соврал старик.

— Ложь. Меня не нужно обманывать. Многие пытались. Последний раз: где ключ?

— Молодой человек! — прохрипел профессор, — Я её уничтожил, эту табличку...

В это момент за окном послышались голоса и залиvistый смех. Счет пошел на секунды. Сейчас вернется его племянница Вероника, которая должна быть на дне рождении у подруги. И, судя по всему, не одна. Ряженный милиционер коротким движением воткнул стилет в сердце старика. Убийца наклонился над жертвой и быстро сделал несколько коротких движений клинком. Затем достал из кармана колоду карт, вытянул одну из них и, усмехнувшись, вставил в слегка приоткрытый рот мертвого Гольдштейна, поправил фуражку и вышел за дверь.

Глава 2

Вересаев никогда не любил планерки и совещания. Его молодой и пытливый ум, совмещенный с постоянной жаждой действия считал, что вместо того, чтобы каждый день утром и вечером, как было принято в их отделе, собираться в одном помещении и перемалывать из пустого в порожнее один и тот же массив информации, он вполне бы мог сделать что-то полезное. Но в кабинет к легендарному Филиппу Денисовичу Бобкову он попал впервые. И был приятно удивлен. Конечно, воды в речах начальства всегда хватало, но генерал больше говорил по делу.

А сегодня речь шла о том, что некоторые сотрудники 5-го управления КГБ СССР, пытаясь скорее построить успешную карьеру, позволяли себе иногда незаконные методы работы с людьми. Это действительно было правдой. Работа созданного Андроповым около трех лет назад управления должна была быть направлена на организацию контрразведывательной работы по борьбе с «идеологическими диверсиями» противника. Помимо опытных кадров, ставших основой управления, в структуру влились потоки молодых и горячих, готовых идти по головам, молодых людей. Вот о них сегодня уже второй час и шла оживленная дискуссия.

Вересаев посмотрел на большой овальный стол, во главе которого восседала подтянутая и крепко сбитая фигура Бобкова. Слева и справа сидели его заместители по кадрам и по оперативной работе: полковник Сергей Иванович Серегини полковник Константин Павлович Обухов. Дальше — начальники всех семи отделов 5-го управления, и нескольких особых подразделений. Среди них начальник подразделения «Р», которое создали на базе 1-го и 4-го отделов, майор Виктор Ильич Сабуров, который и взял с собой по пока неизвестной еще причине и лейтенанта Алексея Борисовича Вересаева.

Бобков чуть приподнялся, и оперся кулаками на зеленое сукно стола.

— Товарищи, — сказал он негромко, но твёрдо. — в завершении сегодняшнего совещания, я хочу еще раз напомнить вам — всем, кто здесь сидит, — как мы работаем. Особенно тем, кто пришёл недавно. Чтобы в обязательном порядке донесли до своих подчиненных!

Он обвёл зал взглядом.

— Наша задача — не ловить крамолу любой ценой. Не напоили, не подкупили, не спровоцировали. Забудьте про эти дешёвые приёмы раз и навсегда. Безусловно, провокация допустима на грани оперативной игры, способной парализовать антигосударственную деятельность наших врагов, но совершенно губительна, например, во время следственных действий. Вы должны четко отдавать себе отчет в том, видите ли вы эту грань, или нет!

Бобков взял небольшую паузу, давая словам осесть.

— Если осуждать человека — то не по показаниям других, полученным неизвестно где, а только на основании вещественных доказательств. Работать в тесном контакте со следственным отделом КГБ и скрупулёзно выполнять его требования. Провокация, когда вы подталкиваете подконтрольного человека к реальному преступлению, — под строжайшим запретом. Потому что тогда и оперативник, и агент попадают под уголовную статью. Нам такие «победы» не нужны.

В кабинете повисло неловкое молчание, которое вряд ли кто-то хотел бы нарушить. Коллеги любили начальника, считали его справедливым, порядочным профессионалом, чуть ли не всесильным. Но попасть под горячую руку было крайне чревато.

— И помните, — добавил Бобков, — рецидивы событий 37-го года не должны повторяться. Мы не имеем права повторять тех ошибок. Работать чисто, профессионально, по закону.

Он сел и пододвинул к себе папку красного цвета.

— Совещание окончено. Прошу остаться: полковник Обухов, майор Сабуров и лейтенант Вересаев. Остальные могут быть свободны.

Зашуршали стулья. Через минуту в кабинете остались Бобков, его зам Обухов, Сабуров и Вересаев.

— Майор, — Бобков кивнул Сабурову, — докладывайте.

Сабуров встал, развернул несколько фотографий.

— Два дня назад в своей квартире на Старом Арбате был убит профессор Борис Лазаревич Гольдштейн — наш старый консультант, крупный специалист по древностям. — Он разложил снимки. — Убийство похоже на ритуальное. На груди — вырезанный странный знак, предположительно скандинавская руна. Во рту жертвы — карта странного вида.

Сабуров перевернул фотографию.

— Это уже второй случай за месяц. Неделю назад точно так же была убита профессор Чайковская, хранительница рукописей ГИМа. Тогда тоже нашли карту и знак. Уголовный розыск на Петровке зашёл в тупик. Почерк явно ритуальный, и всё говорит о том, что мы имеем дело с серией. Дело необходимо передать в КГБ — это наша компетенция.

Бобков повернулся к Обухову:

— Константин Павлович, ваше мнение?

— Согласен, дело странное. Если это то, о чем я думаю, связь с иностранными центрами исключать нельзя.

Бобков взял фотографию, повертел в руках.

— Есть у меня предчувствие, что это не просто маньяк. Ладно. Майор Сабуров, вы возглавляете оперативную группу. Лейтенант Вересаев — в вашем распоряжении, как специалист по символике и древностям.

— Слушаюсь, — кивнул Сабуров.

— Но прежде чем вы начнёте, — Бобков поднял палец, — я попросил присоединиться к нам товарищей из 2-го Главного управления и ПГУ. Есть любопытная информация.

Он нажал кнопку на селекторе.

— Пригласите полковника Морозова и капитана Троекурова из контрразведки. И полковника Козырева из ПГУ.

Через минуту в кабинет вошли трое, ожидавших в приемной: полковник Морозов, полноватый, с тяжёлым взглядом, его подчинённый капитан Троекуров — невысокий, в очках, с залысынами. Последним в дверь просочился высокий и худощавый Козырев.

— Проходите, садитесь, — Бобков указал на свободные стулья.

Когда все расселись, он продолжил:

— Товарищи, получено указание лично от Юрия Владимировича Андропова. Наша внешняя разведка перехватила шифровки, свидетельствующие о существовании на территории СССР законспирированной агентурной сети под кодовым названием «Наследие».

Он кивнул Козыреву.

— Полковник, введите коллег в курс дела.

Козырев поднялся.

— Перехвачены шифровки из Западной Германии и Брюсселя. Упоминается некая организация «Наследие», связанная, предположительно, с бывшими сотрудниками Аненербе. В Москве активизирован некий особый агент, который в шифровках фигурирует под кодовым именем «Таролог», имеющий свою резидентуру. Этот самый Таролог — специалист по эзотерике и оккультизму. Пока это всё, что мы имеем. Цели сети неясны, но есть данные, что они готовят акцию, способную дестабилизировать обстановку в стране.

Бобков взял в руки фотографию убитого Гольдштейна, на которой был виден край карты Таро.

— Значит, «Таролог» из шифровок ПГУ... и карты Таро на месте убийства. — Он положил снимок на стол. — Возможно, это правильный след и недавние убийства и сеть «Наследие» — звенья одной цепи.

Он обвёл взглядом всех присутствующих.

— Личным приказом Андропова создаётся совместная оперативная группа из сотрудников 5-го управления и контрразведчиков 2-го управления. Руководитель — майор Сабуров. В группу входят: капитан Троекуров из контрразведки и лейтенант Вересаев из отдела «Р».

Бобков указал на Алексея:

— Вересаев — историк, будет отвечать за символику, архивы, и всё, что связано с древностями и оккультизмом.

Потом посмотрел на Троекурова:

— А это капитан Троекуров. У него большой опыт оперативной работы.

Вадим чуть усмехнулся, протянул руку через стол:

— Вересаев? Кажется, мы в одном доме живём. Вы на втором этаже комнату снимаете?

А я этажом выше, с женой.

— Точно, — удивился Алексей. — Лестницу иногда с вами, кажется, делили.

— Ну вот и познакомились, — усмехнулся Бобков. — Вам по пути.

— Всё, — подвёл черту Бобков. — Забирайте с утра материалы в МУРе и начинайте работу. Нужно понять, связаны ли недавние убийства Чайковской и Гольдштейна с иностранной разведкой. И самое главное – подтвердить или опровергнуть информацию коллег из ПГУ. Через три дня — подробный доклад. Свободны.

Когда кабинет опустел, в коридоре Вадим догнал Алексея.

— Слушай, сосед, — сказал он. — У меня в субботу новоселье. Жена Ирина просила собрать народ. Приходи. Отдохнём от этого... — он кивнул на дверь кабинета.

— Спасибо, — ответил Алексей. — Приду.

Глава 3

Глава 3. Обратная сторона

За четверть века относительно спокойной жизни можно было растерять все навыки диверсионной работы. Но Кравцов был профессионалом. Одним из лучших. Он легко подтянулся на руках и через мгновение был уже на другой стороне забора. Ноги в армейских сапогах мягко, по-кошачьи, спружинили на траву, тело сразу ушло перекатом за небольшое укрытие – кусты можжевельника, которыми был утыкан весь двор. В небольшой сторожке горел свет, из приоткрытого окна слышались голоса. Рядом с дверью стоял грузик ГАЗ-66 с брезентовым кузовом. «Шишига» урчала заведенным двигателем, который по инструкции было запрещено выключать даже во время выгрузки. Водитель, который сидел в кабине, очевидно забыл, что инструкции пишутся кровью. Как только он вышел из машины, то с удивлением почувствовал, как что-то неумолимо быстрое и очень острое проникает сзади в его тело. Он не мог крикнуть или сопротивляться. Все рефлексy вдруг перестали существовать, ноги подкосились. В следующий миг чьи-то заботливые руки подхватили его и аккуратно потащили куда-то. Последнее, что ощутил водитель – приятный и обволакивающий сознание запах можжевельника.

Кравцов аккуратно подошел к окну. В сторожке о чем-то оживленно спорили двое. У одного из собеседников на поясе виднелась кобура с пистолетом. Это был сопровождающий. Скорее всего – серьезный товарищ. Он должен лечь первым, благо стоял аккурат спиной к двери. Нужно было все сделать красиво и качественно. Так его учили.

Научиться бесшумно передвигаться – одна из первых дисциплин, которой его обучали в школе Абвера в далеком 1941 году. И этой наукой Кравцов владел в совершенстве. Сопровождающий неестественно наклонился назад. В тот момент, когда он только начал падать, плоский метательный нож впился в горло второму участнику недавней беседы – немолодому уже мужику с косматой гривой седых волос на голове. Убийца на мгновение наклонился над трупом, потом быстро забрал со стола документы, хлопнул печать на бланк пропуска и вышел. Через несколько минут «Шишига» покинула охраняемую территорию. Ни пропуск, ни накладные не вызвали никаких вопросов на проходной.

Фары грузовика освещали пустую ночную дорогу. На стекло упали первые капли дождя. Кравцов всем телом ощущал знакомое волнение и азарт. В свои сорок девять, нет, почти уже пятьдесят лет, он был очень неплох. Это мысль вызвала улыбку и чувство торжества. А еще грела мысль, что его не забыли. Что он не зря жил эти долгие двадцать пять лет после войны, в этой стране победившей красной тирании, в ожидании того самого момента, когда его вновь позовут. Когда ему, потомку старинного дворянского рода, представится возможность отомстить большевикам. Но одновременно в голове что-то подсказывало, что сейчас он стал другим. Он не мог сказать, что в этой стране он жил плохо. И вообще, что это была плохая страна. У него уже два с половиной десятка лет совершенно другая жизнь, иная судьба. У него уже было две жизни, сейчас – третья. В первой жизни он был лейтенантом советской армии, командиром роты, которая в первые дни войны попала в окружение. Дальше был плен. Суровая действительность лагеря для таких же, как он. Оставленных своей родиной, брошенных на произвол судьбы. Были допросы и унижения. Голод и кровоточащие раны, которые не давали даже забинтовать. Однажды, в ноябре 1941 года, его вновь привели на допрос. Но тут вдруг оказалось, что ему повезло. В помещении сидели двое. Один был в немецкой офицерской форме. Второй в обычном коричневом костюме. Плащ был небрежно накинут на широкие плечи. На руках были черные перчатки. Он поприветствовал пленного на чистом русском языке и спросил:

- Молодой человек, скажите кто вы и как ваше имя. И кто ваш отец? Отвечайте правду, и я гарантирую вам жизнь.

- Стахов, Владимир Сергеевич. Лейтенант советской армии. Если она еще есть. Мой отец – Стахов Сергей Николаевич.

Человек в коричневом костюме сбросил с плеч плащ, встал и прошелся по комнате. Затем повернулся и внимательно посмотрел в лицо пленника.

- Оставьте нас, Клаус. – сказал офицеру. – Это именно тот самый человек. И попросите принести чего-нибудь на стол.

Тот беспрекословно, хотя и с некотором раздражением, молча вышел за дверь.

- Теперь с вами, молодой человек. Меня зовут Иван Никифорович Колдинский. Мы служили вместе с вашим отцом до 1917 года. После наши дороги разошлись.

- И что вы хотите от меня, Иван Никифорович? Я так понимаю, что я вам для чего-то понадобился. Что касается моего отца, то я не уверен, что он жив. Мы с ним, скажем так, повздорили пару лет назад. С тех пор мы не виделись.

Колдинский опять уселся на удобный деревянный стул с резной спинкой и еще раз пристально посмотрел в глаза Владимиру. После небольшой паузы он покрутил красивые седые усы и произнес:

- Я кое-чем обязан вашему отцу. И, хотя я и считаю его предателем за то, что он поддерживал большевиков в момент переворота, я хочу вам помочь. У вас есть единственный шанс спасти свою шкуру. Я руковожу одной из специальных немецких разведшкол. В ней вы сможете научиться всему, что позволит вам выжить в новом мире, который строит немецкий фюрер. И сможете не только принести пользу Рейху, но и восстановить историческую справедливость.

В этот момент открылась дверь и принесли поднос с холодным мясом, кувшином с компотом, нарезанными фруктами и бутылкой коньяка. Потом был очень долгий и обстоятельный разговор с Колдинским – профессиональным разведчиком и прекрасным вербовщиком.

Вечером того же дня Владимир уехал вместе с ним в расположение его разведшколы. А уже через три месяца Стахов первый раз был заброшен с заданием в тыл. У него получилось выжить и стать тем, кем стал. К середине 1944 года он стал крепким профессионалом, имеющим за спиной несколько десятков диверсионных вылазок, с которых он всегда возвращался живым.

А потом, в августе 1944 года ему крупно повезло еще раз. Красная армия проводила великолепную Львовско-Сандомирскую операцию. В одном из боев у него получилось провернуть такое, что без удачи было просто невозможно. Тогда в одном из боев в глухом лесу полегла целая рота советских солдат, и прибывшие через час санитары нашли только одного живого – солдата Кравцова Анатолия Сергеевича, с окровавленным лицом и пулей навывлет в правом плече.

Теперь фронтовик Кравцов – скромный учитель истории в простой советской школе. И никто за все это время не усомнился в том, что он – это не он. Никто не искал настоящего Кравцова, простого парня из Смоленска, у которого не осталось ни родных, ни друзей.

Он встряхнул головой, отгоняя воспоминания.

Через десять километров Кравцов свернул в лесополосу. Здесь, проехав еще полчаса по еле заметной дороге, он позволил себе остановиться и заглянуть в кузов. Луч фонаря осветил пару десятков деревянных ящиков. Открыв один из них, он с улыбкой достал новенький карабин СКС в промасленной бумаге.

В квартире покойного Гольдштейна пахло смертью и табаком. Сабуров устроился в кабинете профессора и погрузился в изучение его бумаг, которых было великое множество. Алексей, совместно с участковым Пеструхиным общался с соседкой, которая боязливо поглядывала на пол, где красовалось обведенное мелом место, где упал убитый хозяин квартиры. Троекуров, получив в усиление капитана Байло из МУРа, отправился на квартиру Чайковской.

- Виктор Ильич! – крикнул Вересаев в сторону кабинета.

Сабуров появился в дверях с несколько озадаченным видом.

- Виктор Ильич, тут гражданка кое-что интересное хочет рассказать.

- Слушаю!

Алексей негромко шикнул на оробевшую было соседку, та торопливо затараторила:

- Так вот же... Говорю. Сейчас все расскажу, как на духу! Это Павловна из второй квартиры мне давеча рассказала, когда за солью заходила. Ну по-соседски, соли попросить. Она каждый вечер заходит за чем-нибудь, а потом мы чай пьем до поздна.

Тут уже шикнул участковый Пеструхин:

- Матвеевна! По делу говори!

- Так, а что, Матвеевна? Я по делу и говорю. Она обычно в полдевятого с Тобиком своим гуляет, псом, то есть, а потом уже ко мне идет. Так вот она вспомнила, что перед тем, как профессора нашего убили, милиционер в подъезд зашел. Она, говорит, я еще подумала, к кому же он идет? Ведь если к алкашу этому Борьке в двенадцатую, так Ванечка Пеструхин только вчера у него был, проводил среди него работу воспитательную. С него, с дебошира этого, станется!

Сабуров подобрался, глаза загорелись знакомым огоньком. Лицо майора стало сосредоточенным. Он внимательно посмотрел на женщину и произнес:

- А ну-ка, Матвеевна, скажи, где твоя соседка сейчас?

- Так это... Тут она, за дверью, очереди своей ждет.

- Пеструхин, зови срочно!

В комнату вошла дородная дама, от которой вкусно пахло пирожками. Потертый фартук был испачкан мукой. Выяснилось, что пирожками пахло не от нее, а то металлической миски, в которой эти самые пирожки и лежали. Павловна, водрузив на стол это чудо домашней кулинарии, обдала мужчин победным взглядом и низким голосом произнесла:

- Нате вот, товарищи, уж с утра тут сидите и маковой росинки во рту не было, а уж вечереее! Откушайте, и пока миска не опустеет я не скажу ни слова!

Мужчины, давясь слюной переглянулись. Пирожки источали такой густой аромат, что сопротивляться ему было решительно невозможно. У Сабурова пробежала мысль, что такой ход можно использовать, чтобы, например, отравить кого-то. При этом, сам он, отгоняя ее, отведал не меньше двух, а то и трех штук. Пока ворчащая фигура Павловны проворно двигалась по квартире, открывая окна, чтобы выгнать «табачный смрад», Матвеевна на пару минут пропала из поля зрения. Но когда пирожки почти подошли к концу, на столе появился поднос с чашками, большим чайником и вишневым вареньем.

Обе соседки быстро распределили по чашкам содержимое чайника и удивленные мужчины, сами того не замечая, отдали должное угощению. словно бы не было здесь недавно убийства, не было начерченного мелом контура на полу.

Ну а Павловна в итоге оказалась очень нужным и ценным свидетелем. С ней Сабуров поговорил самолично, отведав в уже проветренный кабинет.

Пеструхина, который проявил себя огромным молодчиной, отпустили. Пока Сабуров общался с соседкой, Алексей пробежал глазами, а затем и руками, по книжным полкам. На одной из полок лежала фотография. Группа офицеров. На обороте подпись: «Трофейная комиссия. Кёнигсберг, апрель 1945». Среди них — молодой Гольдштейн. Рядом — женщина, похожая на Чайковскую. И ещё несколько человек: Рязанцев, Белозёрова, Литвин.

Глава 4

Глава 4

Сабуров взял со стола помятую пачку «Явы» и вытряхнул оттуда последнюю сигарету. Кабинет заволокло синеватым дымом. Алексей, сидевший напротив майора, слегка скривился. Вересаев был убежденным противником курения, особенно в кабинетах. Оба сидели молча, обдумывая события сегодняшнего дня. В этот момент в кабинет буквально влетел Троекуров и громко хлопнул на стол большой альбом с надписью «Фото».

Коллеги удивленно подняли головы на Вадима, который стоял у стола с видом спортсмена, который только что выиграл чемпионат мира.

Алексей вопросительно глянул на вошедшего, а Сабуров бросил короткое:

- Показывай!

- Сперва предысторию, если позволите. – усталым голосом произнес Вадим и, не дожидаясь одобрения продолжил. – Короче говоря, мы с капитаном Байло из МУРа, подняли сегодня отменный переполох. В начале у меня встал вопрос, почему оперативники угрозыска подумали, что это убийство. Чайковская выпала из окна собственного дома, дверь была закрыта изнутри и изначально, все говорило о том, что эта дама решила свести концы с жизнью. Но Байло, между прочим, очень толковый опер, указал на некоторые моменты, которые не сразу бросились в глаза приехавшему наряду милиции. Во-первых, на замке есть посторонние следы, как если бы кто-то открыл, а вернее, закрыл его отмычкой. Замок и внутри тоже закрывается ключом, то есть убийца не смог бы закрыть дверь за собой просто ее захлопнув. И это было сделано так ловко, что ключ остался в замочной скважине. Во-вторых, соседи видели слесаря, который поднимался по лестнице на девятый этаж. Странно ведь идти по лестнице при работающем лифте. Слесарь, по словам свидетелей, был точно не из их ЖЭКа. Когда Чайковская рухнула на землю, никто не видел, чтобы этот слесарь из подъезда выходил.

Сабуров затушил сигарету в большой хрустальной пепельнице и спросил:

- Что интересного нашли в квартире?

- В том-то и дело, что милиционеры, во время осмотра квартиры, не нашли ничего особенно, кроме карты таро на полу, прямо в центре кухни. А вот я нашел. У Чайковской было очень много книг и разных подшивок на полках. Целая комната под библиотеку.

- Как и у Гольдштейна, - машинально вставил Вересаев.

- Да, как и у него. Так вот, на одной из полок слой пыли кое-где был неравномерный. Это наводит на мысль о том, что с этих полок что-то недавно забрали. При этом, Байло уверяет, что при первом осмотре такого не было. То есть, убийца, или кто-то другой, уже после ее смерти проник в квартиру и забрал книги. Ну или то, что по форме напоминало книги.

- То есть, это вполне могли быть и вот такие альбомы с фотографиями? – спросил Сабуров, показывая на пухлую обложку лежащего на столе альбома.

- Именно так! А вот этот самый альбом, я нашел не на книжных полках, а в тайнике на кухне.

- Ух, ты! – воскликнул Алексей. – А для чего же Чайковской понабился тайник?

- Сейчас поймешь. Открывай.

Мужчины склонились над альбомом. На первых страницах было несколько групповых фотографий в поточных университетских аудиториях, дальше шли фотографии молодой Чайковской в военной форме, с два десятка фотографий разных предметов искусства и старинных книг, и в конце альбома было две групповых фотографии. Одна из них оказалась такой же, как Алексей нашел у Гольдштейна, а на другой были запечатлены четверо мужчин на фоне полуразрушенного здания с большими воротами. На обратной стороне фотокарточки была надпись: «Ялта, 10 июля 1946 год».

- Так, ну одного из этих товарищей я точно знаю, - сказал Сабуров.

Вадим и Алексей посмотрели на него, ожидая продолжения.

Виктор Ильич показал на второго слева мужчину в светлом костюме:

- Вот это – генерал Анатолий Всеволодович Кудрявцев. Мне приходилось с ним пересекаться на фронте, в районе Кенигсберга. Личность таинственная и незаурядная. Руководил каким-то спецотделом при трофейной комиссии. Это все, что я знаю. Да и не по чину мне было тогда знать. В то время я был двадцатилетним оболтусом, которого после ранения звали в СМЕРШ за два года до конца войны. Короче, пересекаться приходилось, но близко не знаком.

- С ним нужно обязательно пообщаться, - сказал Алексей.

- Не получится. Кудрявцева полтора месяца назад похоронили. Умер в больнице от сердечного приступа. – сказал Сабуров. И уже обращаясь к Вадиму добавил. – Ну, контрразведка, ты даешь!

Есть такие женщины, которые даже в преклонном возрасте сохраняют не просто остатки красоты, а дышат женственностью, интеллигентной размеренностью и блистают чистотой аристократической изысканности. Да, Ольга Германовна Кудрявцева была самых настоящих благородных кровей, что создавало ей и ее мужу немалое количество проблем и забот на протяжении всей их совместной жизни. Но биография у нее была более чем лояльная к советской власти, как и послужной список. Родившись настоящей сорвиголовой с шилом в известном месте, маленькая Оленька вечно была в центре внимания. Все детские шалости неизменно прощались богатыми родителями, для которых девочка стала поздним утешением, после долгих лет бездетности. Шло время, и шалости стали превращаться в несвойственные барышне увлечения. Оленька по-мужски проворно ездил верхом. И не просто ездил, а могла загнать лошадь. Все домочадцы с ужасом наблюдали, как она несется галопом по полю в неизменном развивающемся красном шарфе. Этот шарф позже сыграет в ее жизни заметную роль, но это будет через несколько лет. Еще одним увлечением ее была стрельба из всех видов оружия, какие она могла найти в доме. Отец, будучи военным, собрал у себя в кабинете приличный арсенал и с огромным удовольствием лично обучал дочку премудростям стрельбы. Не отставала Оленька и в фехтовании. Презрительно фыркая на мать, когда та приглашала учителя танцев, юная сорвиголова выхватывала со стойки учебную рапиру и требовала «настоящих» танцев, достойных амазонок и жен богатырей.

Свое совершеннолетие в августе 1916 года она встретила в обществе своих родителей и экономки Дарьи Петровны, на борту яхты «Бриз» у побережья Крыма. Это были последние благополучные дни жизни ее семьи. Уже через месяц после возвращения домой умерла мать. А еще через две недели, не будучи в состоянии смириться с потерей, скончался отец.

Ольга около месяца практически не вставала с кровати. Горе было настолько глубоким, что она искренне думала, то Господь обязательно призовет ее к себе не сегодня, так завтра. Но время шло, девушка смогла взять себя в руки. Продав за бесценок родительское имение, где невыносимо было находиться из-за тяжелых воспоминаний, она окончательно перебралась в столицу. Жизнь в Петрограде закутила ее с новым, доселе невиданным размахом. Она работала в газете, печатала замечательные статьи, пробовала писать стихи. Как-то она, прогуливаясь по улицам в неизменном красном шарфе, набрела на уличное выступление Троцкого. Тот, увидев девушку в красном шарфе, прервал митинг, попросил ее подняться в кузов грузовика, служивший импровизированной сценой. А дальше... революция внесла свои коррективы в ее жизнь и к концу гражданской войны она была замужем за бравым красным командиром, про которого она как-то писала статью. С Кудрявцевым она прошла бок о бок две войны, восстанавливала его после ранения в Испании, влилась в работу его группы после Победы.

Когда Алексей вошел в квартиру, он увидел высокую женщину с прямой спиной, с очень красивыми чертами лица, которое лишь немного тронули старческие морщины. Ей удиви-

тельно шла седина. Она великолепно держалась. И только печальные и немного красные глаза выдавали следы недавней потери. Генеральская квартира была большой и уютной. Хозяйка проводила посетителя в столовую.

После того, как Вересаев выразил соболезнования, Кудрявцева попросила его присесть и сказала:

- Молодой человек, расскажите, что привело вас к несчастной вдове? Чем моя персона вызвала интерес у КГБ?

- Ольга Германовна, - откашлявшись начал Алексей. – Я бы хотел поговорить о вашем супруге. Вы не против?

- Нет, я не против. Спрашивайте.

- Скажите, перед смертью вашего мужа не замечали ли вы ничего необычного? Может быть, в его поведении? Возможно, к нему кто-то приходил?

Кудрявцева еле заметно смахнула собравшуюся уже было катиться слезинку и немного помолчав ответила:

- Нет, я ничего необычного не замечала. Да и кто мог к нему приходиться последнее время? Все забыли старика. Он стал давно никому не нужен. Наш единственный сын погиб, не дожив несколько дней до победы. Больше детей на Бог не дал.

Алексей неожиданно для самого себя спросил:

- Скажите, а ваш муж был верующим человеком?

- Да. Он был верующим человеком. Конечно, в храм он посещал редко. Вы удивлены? Вы думаете, как может красный генерал, член партии, быть верующим человеком?

- Нет, не удивляет. Скорее, вызывает понимание.

- Хм... Ну, лукавства я в вас не вижу. Так вот, возвращаясь к вашему вопросу, могу с уверенностью сказать, что к нему никто не приходил уже несколько лет. Во всяком случае, никого чужого тут точно не было. Я бы знала.

Вересаев разложил на столе две фотографии, которые нашли у Чайковской и Гольдштейна.

- Скажите, Ольга Германовна, вы знаете кого-то на этих фотографиях?

Вдова внимательно посмотрела снимки и уверенно узнала всех членов трофейной комиссии.

- Так, ну на этой карточке наш особый отдел при трофейной комиссии, созданный в феврале 1945 года. Лиза Чайковская, Володя Литвин, Рязанцев и Любка Белозерова. Этим четверых я знаю очень хорошо. Я была прикомандирована к мужу в отдел – он выхлопотал для меня такую возможность. Мы с ними в одной палатке даже месяц прожили вместе. Очень неплохие ребята. С ними было очень комфортно работать.

- А вот на этой кроме мужа кого-то узнаете? – Алексей пододвинул ближе ней вторую фотографию.

- Нет, этих мужчин я точно не знаю, но вот этого, первого слева, я помню – это руководитель археологической экспедиции. Вроде бы какой-то доцент из Ленинграда. Я несколько раз видела его в конце войны в Кенигсберге. Учтывая то, что тут написано «Ялта», то могу предположить, что он виделся с мужем еще и во время его командировок в Крым.

- Ясно, спасибо вам Ольга Германовна.

Задав еще несколько вопросов, Алексей уже собрался уходить. Но тут вдруг в очередной раз неожиданно для самого себя, задал еще один вопрос:

- Ольга Германовна, скажите, а у вашего мужа были проблемы с сердцем?

- Знаете, нет. Анатолий был очень здоровым человеком. Не смотря на два серьезных ранения, он никогда не жаловался на здоровье. Он ведь до шестидесяти лет еще в секцию самбо ходил, тренировал молодежь. А последние годы постоянно по долгу ходили с ним пешком.

- А что врачи сказали? Вообще, как это произошло?

- Он сидел в кабинете, перебирал почту. Как раз приходил почтальон перед этим. Я потом зашла к нему, а он без сознания сидит, голову уронив на стол. Пульс еле прощупывался. – вдова снова еле заметно смахнула слезинку.

- Вы сразу вызвали скорую?

- Да, тотчас же.

- А можно посмотреть ту почту?

Кудрявцева взглянула на Алексея каким-то новым взглядом.

- Вы считаете, что его смерть могла быть связана с тем, что было в почте?

Алексей не ответил. Он прошел за хозяйкой в кабинет покойного. Обстановка, казалось, еще сохранила следы его пребывания. На столе были раскрытые и закрытые газеты, несколько конвертов с письмами, открытая книга обложкой вверх.

- Здесь все так и осталось, я ничего не двигала.

Вересаев взял со стола вскрытый конверт, который лежал на самом верху. Из него выпала на пол карта таро, на которой был изображен всадник-скелет на белом коне. В руках у него красовалось черное знамя, украшенное белым цветком розы. Внизу карты было на английском языке написано «DEATH» - смерть. А наверху – римская цифра тринадцать.

Ольга Германовна непроизвольно вскрикнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.